

ПРИЗНАНИЕ
В ЛЮБВИ

Сегодня
Ольге
Лепешинской,
летающей фее
русского
балета, -
80 лет

Ольга Васильевна - президент
хореографической ассоциации.

«Я продолжаю опаздывать на выход в третьем акте!»

Комм. пр. 1956. - 28 сент. - с.ч.

... Я никогда не видел ее на сцене. Другое поколение. Ну разве что мимолетные обрывки кинохроник. Или пожелтевшие фотографии, на которых - летящая фея...

- Ольга Васильевна, в детстве все девочки мечтают быть балеринами...

- Нет, мой отец был путеец. И когда меня во дворе дразнили «балериной», я заявляла: буду строить мосты - как папа.

- И все-таки попали в балет?

- Мы жили в Ялте. Неподдалеку курортный зал, всегда музыка. А рядом жил художник Большого театра. Его жена, бывшая балерина, однажды подсмотрела, что я - вместо того, чтобы спать, - ночью танцую.

Она и сказала маме: «Отдай-те девочку в балетную школу».

В девять лет я пришла на просмотр в балетное училище. С первого раза меня не приняли. Зачислили первой кандидаткой.

- Но попасть сразу после училища в солистки Большого театра?!

- Да, было принято начинать с кордебалета. Но не только меня - еще и мою подругу Галю Петрову тоже приняли в солистки. В училище мы с ней по очереди танцевали Машу в «Щелкунчике». Потом Игорь Моисеев поставил очаровательный балет «Три толстяка», где я танцевала Суок. Наверно, заметили.

- Вы были лауреатом самой первой, 1941 года, Сталинской премии...

- 100 тысяч рублей были по тем временам очень большие деньги. Я успела лишь купить маме мебель. А когда началась война, все деньги, конечно, ушли в фонд обороны.

- Правда, что балерина Лепешинская была воеводским стрелком и просилась на фронт?

- Я очень здорово стреляла лежа. Говорят, есть даже кадры кинохроники, где Барсова, Максакова, я и другие артисты Большого театра занимаемся стрельбой. А потом приходилось и сидеть за одним столом с Ворошиловым.

- Где же это?

- Мой муж, Алексей Иннокентьевич Антонов, был начальником Генерального штаба. Мы родились с ним в один день, и я каждый год приношу к Кремлевской стене астры, которые он так любил. Так вот у нас на даче бывали Ворошилов и Буденный. Виделись мы и на приемах в Кремле, я танцевала все кремлевские концерты - с 34-го года до последних лет жизни Сталина.

Я получила первый орден «Знак Почета» в двадцать лет, и он мне очень дорог... Потом уже пришло прозрение, когда арестовали мужа (до А. И. Антонова я была замужем за генералом, работавшим в МГБ), тетю, племянниц. Мы не сразу узнавали то, что сейчас хоро-

Будущая балерина (слева) со своей сестрой. Фото из семейного альбома.

шо известно всем. И речь Хрущева на XXII съезде разрезала сердце пополам.

- Сталин очень любил Большой театр. Какие спектакли он предпочитал?

- Он приходил часто. Мы об этом знали всегда заранее, потому что за сценой появлялись молодые люди в штатском. Появлялся начальник охраны генерал Власик. А Сталин за кулисы никогда не заглядывал. Знаю, что он не меньше пяти раз смотрел «Пламя Парижа», причем больше всего любил третий акт («Взятие Тюильри»).

- Говорят, до войны Большой театр частенько отправляли «на картошку»...

- Да, когда в подмосковных колхозах не хватало рабочих рук, райком собирал театральную молодежь, и мы отправлялись на уборку. Я занималась сортировкой, а на следующий день танцевала принцессу Аврору в «Спящей красавице».

- Илья Эренбург писал, что во время войны вы дежурили на крыше во время налетов...

- Я жила в угловом доме, который выходил на Пушкинскую площадь, а там на крыше стояла фигура девушки с поднятыми, как бы в танце, руками в совершенно балетной позе. Эренбург в «Буре» написал, что это стою я. А потом началась война, и я дежурила около этой девушки. А напротив, в здании «Известий», дежурил мой балетный партнер Михаил Гобович, который был комиссаром отделения ПВО.

Ему частенько звонили из разных мест, спрашивали: «Лепешинская жива?» Конечно, они имели в виду не меня, а фигуру, стоявшую на крыше.

- Не было в войну мыслей о том, чтобы вообще бросить балет?

- Когда началась война, я решила, что танцевать больше не буду и пойду на фронт. Но в райкоме комсомола на меня прикрикнули, сказав, что в Москве будет много дел. И действительно работа нашлась: комсомольцы чистили улицы, дежурили в метро. В райкоме была традиция - провожать эшелоны на фронт. Как-то уезжали коллеги из театра, и комсорг с тормозного завода сказал: «Ты бы не речи говорила, а станцевала нам лучше, Ольга».

И тут произошло что-то невероятное: раздвинулись ряды, откуда-то взялся гармонь. Вот уже Миша Сухинишвили, он тоже уезжал на фронт, кружится возле меня, и мы танцуем русскую, цыганочку, лезгинку. Никогда не танцевала столько в своей жизни. И я поняла, что искусство наше нужно даже во время войны.

День Победы наша бригада встречала концертом на главной площади разрушенной Варшавы.

- Вы как-то обмолвились, что были довольны собой на сцене в лучшем случае два с половиной раза. Когда? И почему «с половиной»?

- Половиночка - первый акт балета «Дон Кихот», где мне, казалось, удалось сделать все, к чему я стремилась. У меня не

получалось фуэте, а это необходимый элемент. Левая нога поднимается на пуанты и опускается на пятку, а правая рука кружит тело вокруг. Я приходила, рисовала круг и делала фуэте, пока не получились необходимые тридцать два оборота.

А другие два спектакля «Светлана» были в нынешнем Нижнем Новгороде: я по сюжету была дочерью лесника. Мой большой друг Раневская как-то сказала, что сцена - это единственное место, где не надо играть, и тогда мне действительно показалось, что я и есть Светлана.

- А как случилось, что вы сломали ногу во время спектакля?

- 7 ноября в 53-м, когда я танцевала китайскую танцовщицу в «Красном маке», раздался треск. Артисты, которые были на сцене, и моя сестра, сидевшая во втором ряду, были уверены, что лопнула стелька балетной туфли. Но лопнула кость, а я не могла уйти со сцены, иначе потерялся бы смысл происходящего. К счастью, по ходу действия кули принесли носилки-палантин и унесли меня за кулисы, где я потеряла сознание.

По праздничным улицам Москвы меня везли в карете «Скорой помощи» в больницу на Грановского. Сделали рентген: пятая плюсневая кость правой стопы треснула в четырех местах.

В той же больнице лежал Михаил Михайлович Пришвин. Он пришел ко мне, и мы с ним очень подружились - на всю жизнь. Как-то он сказал фразу, которая мне очень дорога: «Человек похитил у неба не огонь, а музыку. А искусство балета - танцующая музыка»...

Когда меня привезли в больницу, замечательный хирург Розанов сказал, что на сцену мне уже не выйти, а я, наоборот, была совершенно уверена, что вернусь.

Через четыре месяца я уже танцевала в спектакле на сцене Большого и продолжала это делать еще десять лет.

- Почему же, закончив танцевать, вы уехали преподавать за границу?

- Тридцать лет я протанцевала в Большом, но потом, к сожалению, оказалась не нужна - ни в театре, ни в Московском хореографическом училище. И тогда согласилась на предложение знаменитого режиссера, профессора Вальтера Фезельштадта, который руководил замечательным берлинским театром «Комиш опера», помочь организовать балетную труппу. А чуть позже пригласили в Будапешт. Четырнадцать лет ездила между Берлином и Будапештом. А потом мне довелось вести классы артистов в Швеции, Италии, Японии, Канаде, Египте, на Филиппинах... Пожалуй, я не была только в Австралии.

- А что сегодня?

- Я выбрана президентом Российской хореографической ассоциации. Являюсь председателем экзаменационной комиссии Академии искусств (факультет хореографии). Выпью обязанностью председателя правления Центрального Дома работников искусств. Как видите, жизнь продолжается...

- Вы, Ольга Васильевна, верите в вещи сны?

- Раньше во сне я все время опаздывала на выход в третьем акте. Звучат уже первые такты музыки, через две минуты выход, а я все прикрепляю перо на голове или веночек. Просыпалась в холодном поту...

Сейчас мне чаще снятся совсем другие сны. Человек, старая, представляет себе райские спектакли. Можно так сказать?

- Считаете ли вы себя счастливой?

- Да. Мне кажется, что я еще нужна.

Беседовал Алексей БЕЛЫЙ.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ В НОМЕР!

Портрет О. В. Лепешинской
кисти А. Герасимова.

«Мы все во власти этой искрометной танцовщицы...»

Не мыслю истории балета Большого театра без упоминания Ольги Васильевны Лепешинской. С ее именем навсегда связан один из самых блистательных периодов в жизни московского хореографического искусства.

На протяжении длительного времени любители балета Большого находились во власти этой искрометной танцовщицы. С первого ее появления на сцене в разных ролях, разных спектаклях зрительный зал жил с ней единым дыханием, сопереживая происходящему с ее героинями, забывая все на свете. Энергия ее была неистожима не только на сцене, но и за кулисами.

Сейчас я думаю, что успех первых выездов Большого, как гром среди ясного неба поразивший Запад, по сути дела, был выхлестом подготовленного ранее и накопившегося артистического потенциала, характерного для советского хореографического искусства начала пятидесятых годов, неотъемлемой частью которого было и творчество Ольги Васильевны.

Россия всегда будет помнить и гордиться Лепешинской-балериной. Запад - Лепешинской-педагогом-репетитором.

Сегодня новое, молодое поколение артистов Большого театра России желает Ольге Васильевне оставаться вечно молодой, здоровой, полной сил, как духовных, так и физических.

Счастья Вам, Ольга Васильевна!

Владимир ВАСИЛЬЕВ,
художественный руководитель - директор
Большого театра России.

